Р М ЛАЗАРЧУК

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА С А. А. ПЕТРОВЫМ

(К проблеме реконструкции «романа в письмах»)

Письма А А Петрова к Н. М Карамзину не были предметом специального литературоведческого анализа Исследователи использовали этот материал либо в качестве биографического источника,[1] либо для обоснования эстетических позиций Карамзина и Петрова [2] Ответные письма Карамзина не сохранились. В 1793 г , напуганный преследованиями, обрушившимися на московских масонов, И. А. Петров уничтожил архив покойного брата [3] Однако реконструкция карамзинских писем представляется вполне возможной: Петров передает их содержание,[4] восстанавливает зачеркнутые другом строки.[5] Благодаря особому ощущению адресата, свойственному эпистолярному жанру, письма Петрова доносят реплику, слово, точку зрения корреспондента; сохраняют его интонацию, настроение, движение чувства Это дает основания для постановки вопроса о переписке Карамзина с Петровым как своего рода «тексте», запечатлевшем их связи, отношения, характеры.

Дружеское письмо второй половины XVIII века — явление особое. Не переставая быть средством связи, документом частной жизни, оно превращается в «школу» чувствования,[6] становится не только формой познания, самовыражения личности, но и, шире, формой освоения действительности. Переписка воспринимается как факт литературы. В 1760—1770-х гг. письмо в некоторых отношениях опережает литературу Со свойственной ему непосредственностью и быстротой реакции оно улавливало зреющие конфликты, проблемы века, «схватывало» в жизни новый сентиментальный тип сознания и мироощущения и стихийно отражало их, прежде чем они ста-

---

[1] *Погодин М* Н М Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников Материалы для биографии М , 1866 Ч 1 С 26—36

[2] См *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб , 1994 С 82—84, 86, 90, 208

[3] После смерти друга Карамзин предпринимает попытку получить свои письма, но безрезультатно — См письмо к И И Дмитриеву от 4 мая 1793 г «Я доволен, что письма мои сожжены, но для чего г Петров не хотел отдать их, не понимаю» (Письма Н М Карамзина к И И Дмитриеву СПб , 1866 С 35)

[4] Письма А А Петрова к Карамзину 1785—1792 / Подгот текста Ю М Лотмана и Б А Успенского // Карамзин Н М Письма русского путешественника / Изд подгот Ю М Лотман, Н А Марченко, Б А Успенский Л , 1984 С 501, 502 и др В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с ныне действующими правилами

[5] См письмо от 20 мая 1785 г (С 502)

[6] *Кулакова Л И* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века Л , 1968 С 202

© Р М Лазарчук, 1996

новились предметом художественного исследования в прозе. В 1780—1790-х гг. дружеское письмо подвергается мощному воздействию литературы, во многом определяющей его тематику и стилистику. Это влияние, скорее опосредованное, чем прямое, было следствием романтического жизнетворчества, выражающегося в сознательной ориентации человеческого поведения на литературный образец.[7] Карамзин разделял свойственный романтической эстетике взгляд на жизнь «как произведение искусства» [8] Сошлемся на суждение писателя, оставшееся не замеченным исследователями: «Для чего не сочинять нам романов, когда вся жизнь наша есть не что иное, как роман, отчасти подобный романам девицы Скюдери? Всему есть время, и сцены переменяются».[9] Оно относится к 1796 г. и должно быть воспринято не только как идея, но и как признание глубоко личного характера: ведь Карамзин был человеком, который, по словам Ю. М. Лотмана, «творил себя» всю жизнь.[10]

Но если «жизнь — роман», то переписка, отразившая это вторичное, «построенное» бытие, — «роман в письмах». В данном аспекте мы и будем анализировать переписку Карамзина с Петровым.

Девять писем Петрова к Карамзину — вот все, что уцелело от «романа в письмах», создаваемого друзьями в 1785—1792-х гг «Роман» в шести «частях» и девяти «главах», где в качестве «глав» выступают письма (точнее, каждое отдельное письмо), а деление на «части» осуществляется по пространственно-временному принципу. Мы будем обозначать «части» по месту нахождения адресата: «В Симбирск» (1785), «В Знаменское» (1787), «В Москву» (1788), «В Знаменское» (два письма, входящие в эту «часть», не датированы), «В Женеву» (1789), «В Москву» (1792). Насколько сохранившиеся «части» «романа в письмах» соответствуют реальному объему переписки двух друзей, неясно. С большим основанием можно говорить о двух не дошедших до нас «главах»: одно письмо, датированное июлем 1787 г. (из второй «части»), другое — от июля 1792 г. (из шестой «части»). Во второй «части» отсутствует конец «главы» (письма); четвертая «часть» состоит из двух недатированных фрагментов.

Первая, наиболее обширная (из трех «глав») и, по-видимому, наиболее сохранившаяся «часть» «романа» относится к 1785 г. Карамзин находится в Симбирске, его друг — в Мос-

---

[7] См об этом *Лазарчук Р М* Переписка Толстого с Т А Ергольской и А А Толстой и эпистолярная культура конца XVIII—первой трети XIX в // Л Н Толстой и русская литературно-общественная мысль Л, 1979 С 85—90

[8] *Гинзбург Л* «Былое и думы» Герцена Л, 1957 С 111

[9] Письмо Н М Карамзина А И Вяземскому от 20 октября 1796 г // Архив князя А И Вяземского М, 1881 С 112

[10] *Лотман Ю М* Сотворение Карамзина М, 1987 С 17

кве. Именно в этой части переписки отчетливо проявляется зависимость поведения и внутренней жизни Карамзина от литературы. На литературное происхождение образа-идеала, под который «подгоняется» внутренняя жизнь поэта, указывают интересные детали из писем Петрова к Карамзину, легко и небрежно иронически разрушающие заданный образ. 5 мая 1785 г. в ответ на жалобы друга Петров пишет: «...совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь. Не погневайся; я думаю, что ты сам отчасти виноват в тех неприятностях, которые терпишь, и *хочешь беспрестанно* скучать» (С. 499). Следующее письмо Карамзина подтверждает возникшее подозрение. 20 мая 1785 г. Петров бранит друга за «вымаранные строки» в письме от 9 мая 1785 г.: «Ты наделал мне труда на целый час ⟨...⟩ После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было:[11] Если так, то для чего это вымарывать? Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» (С. 502). Концовка фразы «не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» восстановлена Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским. Как указывают исследователи, в копии писем Петрова[12] эти слова зачеркнуты. Поверх них рукою Карамзина вставлено «печален» («Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем печален». — С. 502). Правка обнаруживает опытного редактора: устранена стилистическая неправильность («не совсем чужд в Большом Симбирском Свете»), найдено точное, ключевое для сентиментальной поэтики слово «печален».

Более значима вторая правка. Тщательно зачеркнуты четыре слова из письма друга, вместившие в себя содержание «вымаранных» Карамзиным и «разобранных» Петровым «строк». На их месте поставлено интригующее многоточие: «После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было... Если так, то для чего это вымарывать?» (С. 502). Очевидно, в начале XIX в., готовя письма покойного друга к публикации, так же как и пятнадцать лет назад, Карамзин видел в этих искренних, случайно прорвавшихся чувствах только отступление от заданного литературного образа. Карамзин не просто сознательно растит, лелеет, культивирует свою меланхолию — он играет в нее.

Скука, тоска, разочарование — один из основных мотивов переписки М. Н. Муравьева с В. В. Ханыковым. «Должен ли я слышать, — пишет Ханыков в феврале 1779 г., — что друг мой, лучшей участи достойнейший, находится в подобном мне положении: он равно скучает жизнью, как я...»[13] Его реакция

---

[11] «После *было* тщательно вычеркнуты четыре слова, прочесть которые не удалось» (примеч Ю М Лотмана и Б А Успенского — С 502)

[12] ИРЛИ, фонд бр Тургеневых, № 124

[13] Цит по *Муравьев М Н* Стихотворения Л , 1967 С 348

на исповедь друга адекватна: тревога, утешение, ответное признание, а главное — понимание.[14] Переписка М. Муравьева с сестрой Ф. Н Муравьевой и другом В. В. Ханыковым — это прежде всего интимный разговор «сродственных душ», наслаждающихся «рассматриванием друг друга»,[15] «история сердца»,[16] «отчет» в чувствованиях, делах и помышлениях.

В эпистолярном «романе» Карамзина и Петрова «роли» распределены иначе. Традиционную для переписки и столь естественную для Карамзина тему «мрачного состояния» Петров развивает в неожиданном ракурсе. Он отвечает пространным рассуждением о «скуке» и «*противоскучиях*», «*противоядиях*» ей: «Работа, ученье, плоды праздных и веселых часов какого-нибудь немца, собственная фантазия, добрый приятель...» (С. 499) Письмо Петрова Карамзину от 5 мая 1785 г. — классический пример воображаемого «разговора с отсутствующим». Адресат обретает в этом диалоге свое (пусть и предполагаемое) слово. Он возражает, он защищает себя: «Это все очень хорошо, — скажешь ты, — но когда скука овладеет мною, то я не могу приняться за работу; ученье нейдет в голову и самый Шакеспер меня не прельщает, собственная фантазия заводит меня только в пустые степи или дремучие леса, а доброго приятеля взять негде. — На это отвечаю.. » (С 499—500), — парирует Петров. Тема «скуки и монашествующей меланхолии» (С. 499) в переписке Карамзина с Петровым не имела и не могла иметь продолжения.

Столь же решительно и последовательно отвергнута Петровым и другая традиционная для переписки второй половины XVIII в. тема — тема дружбы. Не дошедшее до нас письмо Карамзина от 9 мая 1785 г. (об этом можно судить по ответному — от 20 мая 1785 г.) ориентировано на ту модель письма, которая сложилась под воздействием культа сентиментальной дружбы. Сердечные излияния, обожание друга, восхищение его достоинствами, словом, все, над чем так безжалостно иронизирует Петров: «Я никогда не сомневался, что ты меня высоко почитаешь и горячо любишь ⟨...⟩ Великие и обработанные мои дарования в рассуждении первого, а любви достойные и приятные свойства в рассуждении другого, служат мне надежными поруками. О тебе ж никогда я не думал, чтоб ты не мог отдавать справедливости и приписывать истинную цену достоинствам таких великих людей, как я» (С. 501). Ответно-

---

[14] Ср письмо А А Петрова Н М Карамзину от 5 мая 1785 г « совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь» (С 499)

[15] О симпатии, из сочинений г Виланда // Утренний свет 1778 Ч II С 12 Муравьев дословно повторяет эту фразу в письме 1778 г к сестре, Ф Н Муравьевой

[16] Надпись на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 г Цит по *Кулакова Л И* Поэзия М Н Муравьева // Муравьев М Н Стихотворения С 29

го выражения дружеских чувств не последовало: «Люблю ли я тебя? О том не хочу сказывать. Я редко пропускаю случай писать к тебе; из чего можешь заключать по крайней мере то, что я всегда о тебе помню. „Disce philosophari!" — говорим мы, ученые; сиречь: учися любомудрствовати и от действия доходить до причины — ab effectu ad causam. (NB. Когда будешь писать ко мне, то, пожалуй, не позабудь поблагодарить меня за сии латинские слова и похвалить мою ученость)» (С. 501). Ничего неожиданного в подобной реакции нет. Петров удивительно последователен. Он уже имел случай высказать свое представление о дружбе, откровенно и прозаично: «...добрым приятелем может быть всякий честный человек, у которого есть уши, язык и общий человеческий смысл, если только захочешь подладить к его тону» (С. 500). Но «чувствительный, как младенец»,[17] Карамзин этого письма еще не получил и потому пока не знает, что на его признания друг ответит ироничными тирадами. Поразительно, но ни к одной из этих тем в переписке с Петровым Карамзин больше не возвращался. Его душа надолго, навсегда замкнулась. Письма Карамзина «отмечены печатью сухости и сдержанности, — подчеркивает Ю. М. Лотман. — На любые душевные излияния или отвлеченные рассуждения в них наложен запрет».[18] Это верно. Исключением были несколько писем Карамзина Петрову, датированные маем 1785 г. и безвозвратно утраченные.

Начатая так, как начинались десятки других эпистолярных «романов», переписка Карамзина с Петровым сразу же была обречена на постоянные «сбои». Чтобы продолжить «роман», Карамзин был принужден «маневрировать». В письмах, относящихся к концу мая—началу июня 1785 г., он выступает в новой роли. Карамзин сменил на нее прежнюю («беспечный ленивец»), решительно отвергнутую другом: «Что же касается до праздности, то я никому в свете не поверю, чтоб ты ничего не делал» (С. 501). Теперь Карамзин явился автором и критиком, кабинетным затворником и (в письме от 26 июля 1787 г.) философом и мудрецом. Ни одну из этих «ролей» Петров не примет: «„Слава просвещению нынешнего столетия, и краи симбирские озарившему", — так воскликнул я при чтении твоих эпистол (не смею назвать русским именем столь ученые писания), о которых всякий подумал бы, что они получены из Англии или Германии. Чего нет в них касающегося до литературы? Все есть. Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шакеспере, о трагических характерах, о несправедливой Вольтеровой критике, равно как о кофии и табаке. Первое письмо твое сильно поколебало мое

---

[17] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона // Карамзин Н М. Записки старого московского жителя. Избр. проза. М., 1986 С. 234

[18] *Лотман Ю М* Сотворение Карамзина. С. 17.

мнение о превосходстве над тобою в учености; второе ж крепким ударом сшибло его с ног ⟨...⟩ я признал слабость мою пред тобою, хотя ты и по латыни не учился» (С. 502). «Большого ученого» Петров уличает в незнании немецкого языка («Будучи великий Жени, ты ⟨ ⟩ в трех строках сделал пять ошибок против немецкого языка») (С 503), над философом смеется («Проницание твое несравненно: ты видишь то, что от всех прочих смертных сокрыто») (С. 504).

Чем объяснить столь резкое противостояние? Разностью психологических типов? Но тогда переписка Карамзина с Петровым может показаться одним из ранних вариантов «Чувствительного и холодного». Уже современники, и в частности Н. И. Новиков,[19] узнавали двух друзей в героях этого очерка. На психологической антитезе построены и характеры, созданные в прозаической элегии Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1793) Однако горечь недавней утраты, установка на открытое литературное повествование смягчают реальные противоречия, сводя их к «различным свойствам души»: «. .Агатон и я любили *одно*, но любили *различным образом*. Где он *одобрял* с покойною улыбкою, там я *восхищался*; огненной пылкости моей противополагал он холодную свою рассудительность; я был мечтатель, он деятельный философ».[20] Думается, что истинные причины этого противостояния в другом. В письмах Карамзина Петрову явно недостает «простоты чувствования».[21] Великолепно осознавая литературность поведения Карамзина, Петров не принимает условий предлагаемой ему игры еще и потому, что в создаваемом друзьями эпистолярном «романе» у него есть своя «роль». Он учитель, еще точнее, придирчивый ментор. Его письмо, по собственному определению, — нравоучение («Каково понравилось тебе мое нравоучение? Пожалуй, постарайся употребить что-нибудь из него в свою пользу») (С. 500). Наставления и насмешка, порою больно задевающая самолюбие, — привычные для него «педагогические» средства.

Почему Петров выбрал именно эту «роль»? Здесь много причин. Он был старше и, очевидно, ему приятно покровительствовать. Он был масоном и в те годы (в отличие от своего друга) еще не сомневался в истине исповедуемого учения. Воспитание других становится для него почти профессией. Он редактирует «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), он переводит «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку»[22] и энциклопедию

---

[19] См Письма Н И Новикова к Н М Карамзину // Письма С И Г⟨амалея⟩ М , 1836 Ч 2 С 268—269

[20] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона С 234

[21] См об этом *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма С 82—84

[22] Издана в Москве в 1788 г В 1786 г Петров подал в цензуру «Учебную книгу для детей, обучающихся по-немецки»

Р. Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук, особенно нужных молодым людям» (М., 1789. Ч. 1—3). Петров был блестяще образован, умен; у него был тонкий, безукоризненный вкус. Не зря Карамзин считал его своим литературным учителем.

Наконец, право воспитывать друга Петрову давал и господствовавший в московском окружении взгляд на приехавшего из Симбирска юношу как ученика. «Карамзин до заграничного путешествия во всех сферах жизни занимал позицию ученика, — пишет Ю. М. Лотман. — Настасья Ивановна (Плещеева. — *Р. Л.*) учила его искусству нежной дружбы ⟨..⟩ В кругу Н. И. Новикова и А. М. Кутузова ⟨...⟩ его учили науке самопознания, готовили к принятию мудрости и ко вступлению на путь добродетели и общественного служения. Даже дружба была окрашена в тона учительства ⟨...⟩ Петров давал Карамзину уроки литературного стиля и вкуса».[23]

Поразительно несовпадение жизненного облика Петрова с тем образом, который создается в его письмах. В жизни — «любезный нелюдим» («дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден; а с другом — сокровище»)[24] или «угрюм, молчалив и подчас насмешлив»;[25] в письмах 1785—1787-х гг. раскован, язвителен, педантичен. Однако этот образ объединяет лишь половину писем (четыре из девяти), т. е. первую и вторую «части» «романа». Между четвертым (Москва. 1787 году. Августа 1) и пятым письмами (из деревни Н** ⟨овикова⟩. 30 июня 1788) перерыв почти в год. И именно в этот период осуществляется серьезный перелом. Судя по письму от 30 июня 1788 г., он происходит постепенно. Еще сохраняется ирония, но как она переменилась: «Начать ли мне жалостную песнь и наполнить ли письмо упреками? Истязать ли тебя о причине, для чего не сдержал ты своего слова? Твердое твое I will (Я хочу (*англ.*)) заставило было все мои сомнения спрятаться; я ожидал уже было приезда твоего так, как из близкой тучи после молнии ожидают грому» (С. 505). Любопытно замечание Карамзина-редактора к словам «истязать ли»: «[Не нужно указывать] Разумеется, что покойный П*** ⟨...⟩ в письмах своих употреблял часто слова для шутки» (С. 505). К подобной шутливо-иронической манере Карамзин часто прибегал в письмах Дмитриеву конца 1780-х—начала 1790-х гг. Вместо привычного подтрунивания над литературными успехами Карамзина («по приезде твоем все московские авторы и переводчики будут ходить повеся головы, для того, что ⟨...⟩ книг их не можно еще начать печатать; ибо

---

[23] *Лотман Ю М* Сотворение Карамзина С 22

[24] Письма Н М Карамзина к И И Дмитриеву С 27, 26

[25] *Дмитриев И И* Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И И Соч СПб, 1893 Т II С 26

обе типографии заняты печатанием российского Шакеспера») (С. 501) заинтересованное внимание к планам, нетерпение, любопытство, плохо скрываемые добродушной улыбкой: «Ты в Москве ⟨...⟩ несколько скучаешь; но еще более работаешь; десятую долю старых планов производишь в действо, делаешь новые планы ⟨...⟩ Не правда ли? — Поэзия, музыка, живопись воспеты ли тобою? ⟨...⟩ Ликует ли русская проза и любуется ли каким-либо новым светильником в ее мире, тобою возженным? Отправлено ли уже письмо к Лаватеру с Луидором?» (С. 506). Иной характер приобретают критические отзывы. Прежде критика сводилась к скорому (порой уничтожающему) приговору и советам типа: «Если ж непременно хочешь писать по-немецки, то пиши кое-что такое, чего бы никто не читал; а с формированною в голове твоей пиесою о Соломоне не осмеливайся показываться в публику»[26] (С. 503).

Но ученик вырос, стал интересен и значителен. Критика превратилась в обстоятельный анализ. Таково письмо от 19 июля 1792 г.: «Из надписей твоих — последняя, то-есть:

„Покойся, милый прах, до радостного утра!" —

нравится мне отменно, как в сравнении с прочими, так и сама по себе ⟨...⟩ Она проста, нежна, коротка и учтива к прохожему, потому что не допускает его до труда думать, что бы сказать, узнавши, кто погребен под монументом ⟨...⟩ Однако ж, мне кажется, критического мнения даром оказывать не можно, и потому ты необходимо должен сообщить нам подробное и обстоятельное описание монумента, к которому она сделана» (С. 511).

Перестраивается композиционная структура письма. Информация о себе, прежде подчеркнуто лаконичная («Касательно до меня самого не имею ничего нового сказать. Я живу все по-старому: сплю много, работаю мало, часто шатаюсь по улицам, заброжу иногда в театр...») (С. 500), разрастается в подробное сообщение, включающее немыслимые ранее бытовые подробности, сценки (см. описание именин И. П. Тургенева) и даже рассказ о «небольшом приключении, недавно бывшем» (С. 508). В письмах 1785 и 1787 гг. господствовал запрет на выражение чувств: «Ты хорошо делаешь, что не спрашиваешь, для чего первое мое к тебе письмо было так коротко. Я не имею отменной охоты рассказывать ⟨...⟩ Проницательный человек сам усмотрел бы это из другого моего к тебе письма, а может быть, из самого этого, которое теперь пишу» (С. 504). Теперь запрет снят. Может быть, потому что отъезд Карамзина за границу растопил суровое сердце его друга: ведь еще никогда их разлука не была столь продолжительной. Так это или иначе, но тон писем резко переменился.

---

[26] Интересно, что, готовя письма Петрова к публикации, Карамзин вычеркнул эти строки

Парадоксально, но письма Петрова эволюционировали в направлении, некогда, в 1785 г., предлагавшемся Карамзиным. Тематика, стилистика, эмоциональный тон писем теперь во многом определяются воздействием сентиментальной литературы. Мы найдем в них сердечное признание, мотивы дружбы и воспоминания («как одного из лучших 〈...〉 удовольствий») (С. 509), так характерные для дружеского письма последней четверти XVIII в., и писем Карамзина к Петрову, в частности: «Четыре уже месяца, как мы расстались, а я теперь только в первый еще раз пишу к тебе. Но ты весьма ошибаешься, если заключишь из этого, будто я мало о тебе помню. Нет, любезный друг, вспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. Часто я путешествую за тобою по ландкарте; расчисляю, когда куда мог ты приехать, сколько там пробыть; вскарабкиваюсь с тобою на высокие горы, воображаю тебя бродящего по прекрасным местам или делающего визит какому-нибудь важновидному ученому» (С. 509). Вероятно, Карамзин не случайно включил этот отрывок из письма от 20 сентября 1789 г. в «Цветок на гроб моего Агатона». В письмах Петрова Карамзин видел «зеркало» его «тихой, стройной души».[27]

Внутренняя жизнь Карамзина в этих «частях» «романа» отражена скупо. Но и по немногим деталям можно видеть, что именно в 1788—1792 гг. достраивается его литературный облик. Меланхолик и мечтатель наконец-то становится любителем сельского уединения и врагом света (сравним две реплики Петрова, разделенные пятью годами: «Не хочу доказывать тебе несправедливость твоего равнодушия к приятностям сельским 〈...〉 Позволь только спросить у тебя: как может находить вкус в беллетрах, в искусственном подражании прекрасной Натуре тот, кто в самом оригинале не находит приятностей» (С. 505) и «...я надеюсь, теперь и живешь уже в деревне. O terque quaterque beatus!!! (О трижды, четырежды блаженный!!!) (*латин.*). Удели и мне частицу своего блаженства...») (С. 510).

«Роман в письмах» остался незаконченным. Карамзин «дописал» его уже после смерти Петрова. Он оплакал любимого друга в «Цветке на гроб моего Агатона»,[28] он заказал у Германа «прекрасный силуэт Александра Андреевича, который всегда» носил «в кармане».[29] Утрата была невосполнимой: «Я имею друзей сердца, которые меня любят, и мне всего на свете милее, но дух мой лишился любезнейшего своего брата и совоспитанника, которого никто, никто заменить не может!»[30]

---

[27] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона С 234—235

[28] См *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма С 232—234

[29] Письма Н М Карамзина к И И Дмитриеву С 38

[30] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона С 237